

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ФОКСТРОТА»

Крутских Юрий Николаевич,
*дальневосточный прозаик,
в прошлом офицер-подводник,
г. Владивосток*

В наше время творчество этого писателя приобретает особую актуальность. Автор книг «Камрань, или Невыдуманные приключения подводников во Вьетнаме», «Камрань, или Последний «Фокстрот» Юрий Николаевич Крутских проживает во

Владивостоке. Публиковался в Тихоокеанском альманахе «Рубеж», в сборнике «Антология дальневосточной прозы», в газетах «Аргументы недели», «Боевая вахта», «Комсомольская правда», «Владивосток».

Здравствуйте, уважаемые читатели! В прошлом году на страницах данного издания уже публиковалось моё произведение. Это была первая глава из моей новой книги «Камрань, или Последний «Фокстрот». На тот момент, книга только вышла из печати, и её можно было купить в магазинах, но на сегодняшний день, когда тираж практически распродан, сделать это уже не так просто. Я, конечно, готовлю новое издание, но, когда оно выйдет – сказать не могу, поэтому решил поделиться с вами очередным отрывком из книги. Это одна из последних глав. Надеюсь, что, прочитав её, многие, не знакомые с моим творчеством, захотят прочитать и первую главу, и вообще всю книгу. Для них, чтобы не

бегать по магазинам и не тратить деньги, существует интернет, где на нескольких площадках, абсолютно бесплатно, можно скачать обе мои книги (Литрес, Проза.ру).

Для тех с кем мы ещё не знакомы, пару слов о себе. Я родился и вырос во Владивостоке. Здесь же окончил ТОВВМУ имени С.О. Макарова, здесь проходил службу в Бригаде дизельных подводных лодок, что в Малом Улиссе. Литературой занялся не сразу, дождался, когда назреет. На сегодняшний день являюсь автором двух книг. Сейчас работаю над третьей. Надеюсь ещё не раз встретиться с вами на страницах этого замечательного издания. Ну, а пока – обещанный отрывок:

«Как я уже говорил, военно-морская служба порой – это настоящий курорт. Иной раз стыдно даже зарплату за такое получать, самому хочется ещё и доплатить.

Поначалу и наше плавание напоминало неспешную морскую прогулку. Открытый переход по тёплым морям не подразумевает большого напряжения сил – не надо больше прятаться от «вероятного противника», уклоняться, избегать. Ни тебе срочных погружений, ни ночных тревог, ни бессонных ночей. Всё спокойно, размеренно, в полном соответствии с корабельным распорядком: вахты, сон, приёмы пищи... Благодать! Особенно если ещё и погода хорошая.

Первую неделю погода стояла просто замечательная. Солнце, хоть и жарило немилосердно, но на ходу и с ветерком это почти не чувствовалось. Конечно, если находиться внизу, в отсеках, то несколько душновато, однако к жаре все давно привыкли, да и наверх лишний раз подняться никто не запрещал. Если не на вахте и нет особых нареканий по службе – пожалуйста, карабкайся по трапу наверх, предьявляй вахтенному офицеру жетон, получай «добро» и наслаждайся всеми доступными радостями жизни. Можно потолпиться среди курильщиков и, если нет своих сигарет, стрельнуть у кого-нибудь бычок или подышать тем, что уже

ИЗДАТЕЛЬСТВА И ИЗДАТЕЛИ

надымлено, удовлетвориться пассивно, так сказать. Можно попроситься к командиру на мостик и постоять под жгучим солнцем минуты две-три, полюбоваться морскими видами и несколько раз успеть вдохнуть полной грудью, пока не стащат за ноги другие желающие. А ещё, если уговорить механика, можно принять душ. Не такой, конечно, как на берегу, но вполне себе ничего – забортная вода ещё тёплая, чистая; даром что солёная.

На подходе к Филиппинам в размеренные походные будни добавилась толика разнообразия – стало попадаться больше кораблей, а на траверзе острова Лусон на хвост нам сел американский эсминец и, как верный пёс, неотступно следовал чуть ли не до самого Владивостока. Мы назвали его Бобик. Вёл он себя корректно, близко не подходил, курс не пересекал. И когда Бобик нас покинул, немного даже загрузили.

Филиппинское море встретило неласково. Задул сильный ветер с колючим горизонтальным дождём, седыми вихрями покрылись гребни, и скоро всё это переросло в полноценный тропический тайфун. Пару дней нас валяло так, что кое-где из аккумуляторов выливался электролит. Крен порой доходил до сорока градусов, и, находясь на мостике, рукой можно было зачерпнуть из проносившейся мимо волны. Носовой бульб и надстройка практически всё время находились под водой, а если и оказывались на поверхности, то лишь затем, чтобы через мгновение с ещё бóльшим размахом рухнуть в пучину. В ограждении рубки свободно гуляла вода, и, чтобы не заливало центральный пост, командир распорядился задраить люк. Заливать перестало, но сразу стало плохо дышать. При попутном ветре дизель начал засасывать свой же выхлоп, по отсекам поползла сизая дымка. В сочетании с жарой и сильной качкой подводная лодка скоро превратилась в форменную душегубку. Честно скажу: это уже совсем не напоминало курорт. И главное – некуда было деться! Оставалась, правда, одна отдушина – ходовая вахта на мостике. Свежий воздух, вольный ветер – об этом можно было только мечтать! И я мечтал, ожидал, томился, считая секунды

и

«Фокстрот». Шторм

минуты, когда придёт моя очередь заступать вахтенным офицером.

Желудок мой уже изверг недавний обед из трёх блюд, утренний чай с колбасой и бутербродом, и к горлу настойчиво подкатывал вчерашний ужин. Ужина мне было жалко, и я терпел. До вахты оставалось ещё два часа, и я боялся, что не доживу. Вообще-то я обычно не укачиваюсь, но духота и стоявшая перед глазами сизая пелена сделали своё дело. Но мне было совсем не стыдно. Не один я оказался такой. Даже наш старый механик, тот ещё морской волк, сидел в центральном посту зелёный и нет-нет, да и уединялся за железной дверью гальюна. Штурман лежал в кают-компании под столом, стонал и слабым голосом просил каждого входящего, чтобы его пристрелили. В седьмом отсеке из ящиков вываливалась, разметалась по палубе посуда, и никто не спешил её собирать. В такт качке шумно перекачивались с борта на борт оставшиеся целыми тарелки, чайники и кастрюли. Я хотел

ИЗДАТЕЛЬСТВА И ИЗДАТЕЛИ

было употребить власть, заставить прибраться, но понял, что если сейчас открою рот, то со мной самим может произойти конфуз.

Но время, сколь оно ни жестоко, имеет одно хорошее свойство – как бы медленно ни тянулось, рано или поздно всё заканчивается, и то, что нельзя было минуту назад, становится можно теперь. Вот и я наконец дождался своего часа. На циферблате – двадцать ноль-ноль! Вот оно, простое человеческое счастье!

– Третьей боевой смене заступить! – пробулькала кто-то на мостике, закашлялся и, кажется, захлебнулся.

Из последних сил карабкаюсь по трапу. Командир открывает люк, бросает взгляд на моё зелёное лицо, подаёт руку, резко выдёргивает наверх и тут же опускает крышку. И очень вовремя, потому как через мгновение мы уже стоим по пояс в воде, и начинается потоп. Лодка зарывается всё глубже и глубже, и вот нас уже накрывает с головой! Я едва успеваю сделать вдох, задержать дыхание и долгую минуту наблюдаю сквозь толщу воды, как где-то далеко дрожит и кривится на небосклоне бледное рахитичное солнце. Как видно, и здесь жизнь совсем не курорт... Но вниз – ни за какие коврижки!

По мокрым скобам карабкаюсь на мостик, и вот уже передо мной вид, что называется, с картины Айвазовского. Или, если говорить словами другого нашего великого соотечественника, разгул свободной стихии. Поначалу я не понимаю, где нос, где корма – всё залито водой, откуда дует ветер, тоже непонятно – дождь хлещет со всех сторон и завывает так, что не слышно шума работающих дизелей.

Волны сначала показались мне не очень большими, но при ближайшем рассмотрении, когда, скатившись, словно на санках, на самое дно глубокого ущелья и зарывшись носом по самую рубку, мы принялись выгребать на вершину, я понял, что первое впечатление было обманчивым.

Вскарабкавшись на гору, которой, казалось, не будет конца, и вновь свалившись в тёмный провал, да так, что заложило уши, мы вдруг попали в какую-то бестолковую толчею. Над нами вздымались, громоздились заснеженные вершины, снизу

казавшиеся недосягаемыми Эверестами. В котловине между ними на нас накнулись, принялись наскокивать и терзать какие-то рваные свирепые шавки. В бессильной ярости, брызгая пеной-слюной, они бросались на подводную лодку и пытались разорвать её на куски. Оставаясь какое-то время с этими зверьками один на один, мы шли между двумя гигантскими гребнями, угрожающе нависающими над головой, потом ущелье начало стремительно смыкаться. Один гребень стал напоздать на корму, задрал её, да так, что из воды показались молотящие посуху гребные винты. Нос при этом стал зарываться в другую волну,двигающуюся уже навстречу.

Жернова сомкнулись! Ещё мгновение – и мы вновь оказываемся под водой. На какой глубине – не знаю. Помню только, что солнце пропало и вокруг стало темно, как ночью у негра в... извините... за пазухой. Словно в гигантской центрифуге, нас стало крутить, валять, кувыркать, и через пару минут, действительно показавшихся вечностью, нас, как лёгкую щепку, вышвырнуло на поверхность.

Вспомнилось, как несколько лет назад здесь же, в Филиппинском море, едва не утонула наша подводная лодка, так же, как и мы, возвращавшаяся из Вьетнама домой. Волны били с такой страшной силой, что стали срывать обшивку корпуса, и за несколько часов её, по сути, раздели. Не успев вовремя погрузиться, командир с ужасом смотрел на беспредел распоясавшейся стихии: проплывающие мимо, вырванные с мясом горизонтальные рули, аварийный буй, баллоны ВВД и всё, что было сорвано с корпуса, но ещё не успело потонуть.

По команде SOS из Камрани были отправлены спасатели, но пока они дошли, из десяти групп цистерн главного балласта целыми оставались только три. С угрожающими креном и дифферентом подводная лодка чудом держалась на поверхности. Неимоверных усилий в штормовом море стоило завести на неё буксирный конец. А сама буксировка так и вообще вошла в анналы спасательных операций флота. Но лодку всё же доставили в Камрань, где в течение трёх месяцев подручными средствами залатали раны. И

ИЗДАТЕЛЬСТВА И ИЗДАТЕЛИ

вновь отправили домой, не сумев, однако, починить систему погружения-всплытия.

Видимо, находившийся рядом со мной на мостике командир об этой истории тоже вспомнил и, не доводя дела до греха, решил всё же погрузиться. Сыграли тревогу, разогнали всех по местам, живых и мёртвых. Борисыча за ноги вытащили из-под стола и положили в штурманской рубке. Как не хотелось мне спускаться вниз, однако командир решительно взялся за люк, и я едва успел проскользнуть перед ним в шахту, причём вниз головой.

На глубине пятьдесят метров ещё качало, и довольно сильно. На ста метрах мёртвые стали оживать и вставать, а некоторые, хоть и были как зомби, даже принялись за собой убираться. Скоро по отсекам стало можно ходить, не рискуя поскользнуться или вляпаться в вонючую слизь. Духан, конечно, стоял ещё тот, но, слава богу, уже не качало!

Шторм бушевал ещё два дня. За это время все окончательно пришли в себя, навели порядок, отмылись, отъелись и начали походить на нормальных людей. Вновь в кают-компании стал собираться весёлый круг: смеялись, стучали костяшками домино, пересказывали по десятому разу одни и те же байки и анекдоты. Штурман уже забыл о том, как валялся под столом и молил о смерти – вновь начал хохмить, зубоскалить и подначивать замполита.

Один командир был чем-то озабочен. Как скоро выяснилось, шторм всё же не прошёл бесследно. Лодку хоть и не раздело, ничего не вырвало и не поломало, но отказала радиосвязь. И не было никакой возможности отправить на берег положенное по времени донесение. В штабе нас могли посчитать погибшими и выслать поисковую экспедицию. Требовалось всплыть и починить антенну, но это было чревато ещё большими неприятностями. Потому из двух зол командир выбрал меньшее.

Всплыли утром на третий день. Начальник РТС быстро разобрался с неисправностью и, уединившись с командиром в рубке радиста, принялся отправлять и принимать накопившиеся РДО. Ничего страшного не произошло – нас, конечно, потеряли, но не стали паниковать и делать резких движений.

И вот вновь, громыхая дизелями, мы движемся курсом на северо-восток. Как верный пёс, за нами неотступно следует вездесущий Бобик. Как он пережил шторм и как снова нас обнаружил в этой безбрежной пустыне – вопрос, безусловно, интересный...

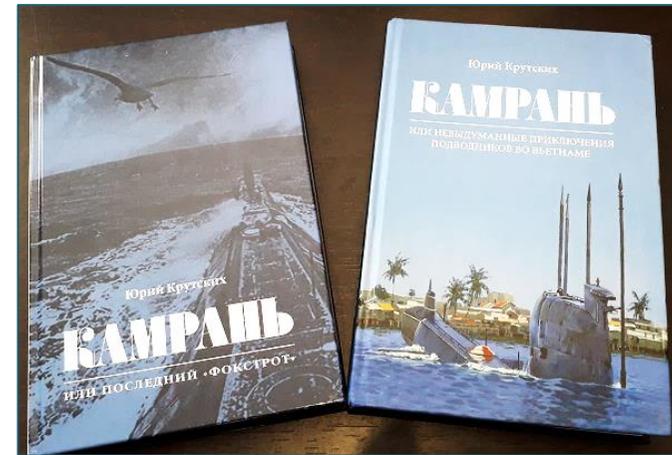
На море штиль. Блестит до горизонта солнечная дорожка, снуют, бьются о корпус бестолковые летучие рыбки, и ничего не напоминает о недавнем разгуле стихии. Хотя нет – то и дело на сверкающей глади появляются его немые свидетели. Вот проплывает вдоль борта покорёженный, полузатопленный морской контейнер. Явно смыло со штормующего контейнеровоза. Может, и сам он где-то поблизости покоится на дне. Старпом предлагает подойти, взять на буксир, а дома всё побратски разделить. Но командир говорит, что это мародёрство и не даёт «добро». Ещё несколько часов мы маневрируем, продираемся между обломками чего-то, явно останками катастрофы – разбухшие листы фанеры, пенопласт, доски, притопленные бочки... Вот проплывает мимо держащийся на воздушном пузыре в носу практически целый спасательный катер. Старпом облизывается и вопросительно, даже негодуя глядит на командира. Катер-то уж можно было зацепить! На рыбалку потом экипажем гонять! Но командир непреклонен, и колышущееся на волнах оранжевое пятно скрывается за горизонтом.

Но вот настал и момент, когда старпом не выдержал! Прямо по курсу показалась обтянутая плёнкой картонная коробка с бело-красным всемирно известным брендом на боку. Целый ящик сигарет, да ещё каких, в то время, когда экипаж докуривает последние беломорины и шкуляет друг у друга бычки! Коробка не намочла, не притонула, стояла, слегка покачиваясь на ослепительной глади, и словно приглашала: иди, возьми меня! Секунда – и, не обращая ни на кого внимания, прямо с рубки старпом сиганул в воду. Сыграли тревогу «человек за бортом», вытащили баграми коробку. Старпома командир сказал оставить, пусть своим ходом домой добирается, но его всё же вытащили, впервые нарушив командирский приказ. Через десять минут в кают-

ИЗДАТЕЛЬСТВА И ИЗДАТЕЛИ

компании уже делили ароматные трофеи. Было решено выдать офицерам по три, матросам – по два блока. Командир не взял себе ничего и долго ещё злился на старпома.

Между тем продолжается наше неспешное движение домой. Ещё день прогулочным шагом, и вот, пройдя между островами архипелага Нампхо, мы уже в Восточно-Китайском море. Погода благоволит, и обстановка опять напоминает всесоюзную здравницу. Для полного счастья не хватает голодных курортниц, и чтобы чуть-чуть было потеплее... Но нет – курортницы в одиночестве шляются где-то на берегу, а температура воздуха катастрофически падает. Под утро на мостике уже всю белеет иней, и даже днём порой мёрзнут уши. Зато до дома уже рукой подать! Впереди Цусима, и вот оно – родное наше Японское море!»

Прочитать книгу Юрия Крутских «Камрань, или Невыдуманные приключения подводников во Вьетнаме» можно, открыв её в интернете по этой ссылке: <http://www.proza.ru/avtor/kamranbook>